

ПО ПУТИ НА ИНДІЮ

I.

Минуло въ текущемъ (1913) году двѣсти лѣтъ со времени задуманнаго Петромъ Великимъ весьма важнаго для обогащенія Россіи предпріятія—отысканія торговаго пути въ Индію, неосуществленнаго только потому, что во главѣ его были поставлены люди, далеко не отличавшіеся честностью, добросовѣстностью, опытомъ и запасомъ нужныхъ знаній. Большую ошибку сдѣлалъ въ этомъ случаѣ геніальный вождь, довѣрившись не личному выбору, а... протекціи...

Объ этомъ печальномъ событіи писалось у насъ, правда, много; однако въ большинствѣ изданныхъ сочиненій предшествовавшія и сопровождавшія его обстоятельства недостаточно освѣщены съ патріотической точки зрѣнія, и въ иныхъ—встрѣчаются и невѣрныя свѣдѣнія, основанныя на слухахъ, а не на фактахъ, благодаря чему не вяжутся они ни съ дѣйствительностью, ни съ здравой логикой. Даже позднѣйшія изслѣдователи „Хивинскаго похода“ А. Хребтовъ и генераль И. Д. Попко допустили въ свои произведенія многія несообразности.

Пользуясь недавно отысканными документами Астраханскаго архива и малоизвѣстными изысканіями академика Миллера, тайн. сов. Соймонова, доктора Лерха (въ „Сочиненіяхъ и переводахъ ежемѣсячныхъ“ 1760, I, 1763 т. II, и за 1790—1791 гг.), рѣшаюсь припомнить въ настоящую годовицу печальную участь, постигшую замышленное предпріятіе. Мнѣ хочется отгнать болѣе закулисную сторону его, о которой мало кто вѣдаетъ...

Великій императоръ однимъ изъ первыхъ обратилъ самое серьезное вниманіе на юго-восточныя окраины наши, мечтая черезъ нихъ

завязать прочныя торговыя сношенія съ Средней Азіей и особенно съ богатыми странами—Бухаріей и Индіей. Обстоятельства свачала благопріятствовали его замысламъ. Организованная въ 1713 году, по его иниціативѣ, сибирскимъ губернаторомъ княземъ Голицынымъ экспедиція отыскала въ верховьяхъ р. Амура залежи „песочнаго“ золота. Немного времени спустя было получено извѣстіе о существованіи такого же металла на полуостровѣ Мангышлакъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то р. Аму-Дарья несла свои воды въ бурное Каспійское море. Какъ было донесено Петру, жившіе на этомъ полуостровѣ туркмены нарочно „не задолго передъ тѣмъ“ отвели ея теченіе въ Аральское море, „дабы привести себя въ безопасность отъ всякихъ нападений“ *).

Полуостровъ этотъ находился въ верхней части Тукъ-Карагайскаго залива, куда удобно было проникать на судахъ изъ Астрахани. Купцы послѣдней—русскіе и татары—часто набѣжали туда для торговыхъ дѣлъ съ туркменами. Къ одной изъ такихъ компаній въ томъ же 1713 году явился „знаменитый мужъ Ходжа Нефисъ, туркменскаго колѣна Сапырь“, и просилъ, чтобы его взяли въ Астрахань, такъ какъ онъ имѣетъ сообщить русскому императору предложеніе, „касающееся до великой пользы Россійскаго Государства“.

Нефиса отправили въ Петербургъ, гдѣ онъ настойчиво убѣждалъ государя взять подъ свое покровительство лежащую по р. Аму-Дарьѣ страну, въ которой находится песочное золото, увѣряя при этомъ, что туркмены будутъ помогать ему въ его предпріятіяхъ. Прибывшій слѣдомъ въ столицу князь Голицынъ подтвердилъ это показаніе. Тоже самое говорилъ и бывший при русскомъ дворѣ хивинскій посланникъ, предложившій императору построить на старомъ устьѣ Аму-Дарьи крѣпость съ гарнизономъ въ 1000 человекъ.

Доставленныя свѣдѣнія заинтересовали Великаго Петра. Желая „доставить песочное золото въ свою землю черезъ купечество и открыть затѣмъ Россіи новую для торговли дорогу въ Индію“, онъ прежде всего рѣшилъ произвести изслѣдованіе, „подлинно ли р. Аму отведена въ Аральское море и возможно ли ее вернуть въ прежнее русло“.

*) По свѣдѣніямъ „Топографіи Оренбургской губерніи“ Рыжова, Аму-Дарья была завалена хивинцами послѣ одного набѣга Яицкихъ казаковъ на ихъ владѣнія подъ начальствомъ атамана Печая. П. Ю.

Дѣло это было поручено Кабардинскому князю Александру Бековичу, знавшему татарскій языкъ, который служилъ въ Императорской гвардіи капитаномъ поручикомъ.

По словамъ академика Миллера, онъ пользовался большимъ расположеніемъ государя, какъ вѣрный и преданный ему слуга, отличавшійся „благоразуміемъ“, „бодростью“ и всѣми тѣми качествами. „кои въ произведеніи такого дѣла казались потребными“. Но едва ли можно согласиться съ такимъ мнѣніемъ, ибо, кромѣ указанныхъ достоинствъ. въ столь опасномъ и отвѣтственномъ назначеніи, требовались еще доля опытности и нѣкоторыя научныя познанія, которыми, къ сожалѣнію, не обладалъ туземный князь, мало чему обучавшійся и совершенно незнакомый съ жизнью и запросами русскаго народа. Скорѣе всего въ данномъ случаѣ играло роль его близкое родство съ вліятельными правительственными сферами, среди которыхъ въ ту пору не послѣднее положеніе занималъ вышеуказанный сибирскій губернаторъ, князь Голицынъ, на дочери коего онъ былъ женатъ. Безъ сомнѣнія въ этомъ дѣлѣ старался больше сіятельный тесть для того, чтобы такъ или иначе выдвинуть своего „милаго зятюшка“, ради благополучія дочери. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Бековичъ на первыхъ же порахъ сталъ прибѣгать, для прославленія себя, къ такимъ приемамъ, которые ничуть не рекомендовали его, какъ честнаго исполнителя царской воли и добросовѣстнаго слугу Родины.

Вмѣсто того, чтобы, ради успѣшнаго окончанія порученнаго дѣла, подобрать себѣ людей знающихъ и опытныхъ и немедленно приступить къ подготовительной работѣ, онъ, по полученіи назначенія, поѣхалъ гостить въ Кабарду, откуда захвативъ нѣсколько „вѣрныхъ своихъ пріятелей“, лишь весной 1715 года направился изъ Астрахани воднымъ путемъ къ восточнымъ берегамъ Каспійскаго моря для отысканія стараго устья Аму-Дарьи. Признаки ея показались ему въ заливѣ Карабугасъ. Но онъ, не провѣривъ этого обстоятельства тщательно, поспѣшилъ возвратиться въ Петербургъ, чтобы повѣдать царю о результатѣ развѣдокъ.

Въ то время Петръ собирался за границу. Князь (въ Январѣ 1716 года) едва успѣлъ захватить его въ Либавѣ, откуда императоръ готовился къ отплытію въ Копенгагенъ, и высказалъ ему „великую надежду о добромъ окончаніи сего предпріятія“, представивъ составленную имъ карту восточныхъ береговъ Каспійскаго моря. Государь,

видимо, остался доволенъ сообщенными свѣдѣніями и въ награду за ревностную службу пожаловалъ его чиномъ капитана гвардіи.

Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, пылкій и энергичный царь изъ Либавы же (14 Января) послалъ сенату указъ, требуя немедленно снарядить къ Хивинскому хану посольство, поставивъ во главѣ его Бековича, съ тѣмъ, чтобы онъ совершилъ свой путь подлѣ р. Аму-Дарьи, осмотрѣлъ прилежно ея теченіе, существующія на ней плотины, и сдѣлалъ выводы, какимъ образомъ возможно обратить ее въ старыи токъ, заперевъ все прочія устья, идущія въ Аральское море.

Въ особой за своимъ подписомъ инструкціи Петръ Великій указывалъ устроить на этой рѣкѣ морскую гавань и около нея крѣпость, „а буде можно“, по осмотрѣ, то соорудить таковую же, или городъ, близъ плотины Аму-Дарьинской.

Князю велѣно настойчиво склонять Хивинскаго хана къ вѣрности и подданству Россіи, „объщая ему наследственное владѣніе ханствомъ“, для чего разрѣшалось оставить на службѣ у него часть нашей гвардіи, дабы „онъ за то радѣлъ къ нашимъ интересамъ“.

Но особенно требовалъ императоръ,—убѣдить послѣдняго въ посылкѣ съ двумя русскими „своихъ людей“ „водою вверхъ по Сыр-Дарьѣ до г. Яркенда для смотрѣнія золота“, и на отправку одного купчины по Аму-Дарьѣ для отысканія ближайшаго и удобнаго „водяного или сухого“ пути въ Индію.

Кромѣ того, поручалось Бековичу, „будучи въ Хивѣ, развѣдать и о бухарскомъ Эмирѣ и ежели можно, склонить его въ подданство, а если нельзя, то хоть добиться отъ него дружбы“.

Съ этою цѣлью были заготовлены грамоты въ Хиву. Бухару и Великому Моголу Индѣйскому.

Для выполненія намѣченнаго плана Государь повелѣлъ нарядить изъ морскихъ офицеровъ поручика Кожина и „пять или болѣе навигаторовъ“, ради „употребленія ихъ въ посылки“: однихъ въ Индію, другихъ къ Яркенду, съ развѣдываніемъ о существующихъ тамъ „пряныхъ зельяхъ и другихъ товарахъ“, при чемъ въ помощь Кожину приказано дать „двухъ добрыхъ, но не старыхъ людей изъ купчества“.

Посольство предполагалось отправить из Астрахани подъ видомъ торговаго каравана, въ сопровожденіи 100 драгунъ и 2 тыс. казаковъ, возложивъ на послѣднихъ постройку крѣпостей, подъ наблюденіемъ двухъ инженеровъ „изъ Колоновыхъ учениковъ“, для чего хотѣли снабдить ихъ кирками и лопатами. На охрану же заводимыхъ городовъ отрядить 4 тыс. регулярныхъ войскъ.

Слѣдомъ за этимъ 27 Января былъ командированъ флота лейтенантъ Александръ Кожинъ произвести осмотръ восточной части Каспійскаго моря съ тѣмъ, чтобы сдѣлать самое подробное, по морскимъ правиламъ, описаніе береговъ его, впадающихъ рѣкъ, гаваней, острововъ, съ положеніемъ всего того на карту; провѣрить карту, доставленную кн. Бековичемъ, и, гдѣ нужно, исправить ее.

Каково же было въ послѣдствіи удивленіе лейтенанта, когда составленная имъ карта не имѣла ни малѣйшаго сходства съ картой князя, которую послѣдній чертилъ „больше по словеснымъ извѣстіямъ, чѣмъ по собственному изслѣдованію“. Оказалась громадная разница съ дѣйствительностью. Но вмѣсто того, чтобы исправить, или хотя сознать сдѣланную ошибку, Бековичъ по прежнему упорно держался своихъ убѣжденій, сознательно обманывая тѣмъ императора, ради сохранения за собой репутаціи усерднаго и способнаго офицера...

II.

Все лѣто 1716 года провелъ князь въ приготовленіяхъ къ предстоящему морскому походу. Изъ находившихся въ Казани шведскихъ плѣнниковъ составилъ онъ эскадронъ драгунъ подъ начальствомъ „искуснаго и храбраго“ майора Каспара Фронхенберга, „дворянина изъ Силезіи“. Тамъ же принялъ онъ Пензенскій пѣхотный полкъ. Изъ Воронежа прибылъ къ нему полкъ Крутоярскій, а въ Астрахани къ отряду этому присоединился Риддеровъ полкъ.

Ему было приказано совершить морское путешествіе съ этими тремя полками. Драгуны и казаки пока оставались „въ сборѣ“, такъ какъ имъ предстоялъ сухопутный походъ только въ слѣдующемъ году.

Помимо корабельныхъ мастеровъ и разнаго ремесленнаго люда, въ составъ экспедиціи были назначены морскіе офицеры: капитаны

Лебедевъ и Рентель, лейтенанты Давыдовъ, Кожинъ и Унтерлейгента и штурманъ Брандъ, а также туркменецъ Ходжа Нефисъ. Отрядъ размѣстился на 100 судахъ, частію взятыхъ готовыми въ Астрахани, частію нарочито построенныхъ въ Казани.

Въ половинѣ Сентября 1716 года экспедиція вышла въ открытое море, направившись къ мысу Тукъ-Караганъ, гдѣ, „для поспѣшествованія сообщеній“ съ Астраханью, была заложена первая русская крѣпость, названная Тукъ-Карагайской, въ 150 верст. отъ устья р. Эмбы и въ 250 вер. отъ Гурьева городка. Гарнизонъ въ ней былъ оставленъ Пензенскій полкъ съ командирами его полковниками Ѳаддеемъ Сеитов. Хрущовымъ и подполковниками Иван. Иван. Анненковымъ и Петр. Алексѣев. Соковнинымъ.

Въ 120 верс. къ югу отъ него находился другой заливъ, соединившійся съ Каспійскимъ моремъ узкимъ каналомъ, который по имени Бековича былъ названъ Александромъ-баемъ. Здѣсь князь заложилъ другую крѣпость—Александровскую, оставивъ въ ней, вслѣдствіе безопасности мѣстоположенія отъ непріятельскихъ нападений, три пѣхотныя роты подъ командой одного маіора.

Подавшись на 300 верстъ далѣе по прибрежью морскому, при заливѣ Карабугасъ устроили еще крѣпость Красноводскую, которою заняли полки Крутоярскій и Ридеровъ.

Какъ объявили туркмены, въ ста верстахъ отсюда находилось то мѣсто, гдѣ раньше Аму-Дарья впадала въ Каспійское море. Отыскавъ этотъ слѣдъ, Бековичъ прошелъ нѣсколько времени въ глубь степи. Верстъ за пять отъ берега кое-гдѣ попадались ему раковины. Но дальше пропали всякіе признаки, по которымъ можно было бы судить о древнемъ руслѣ туркменской рѣки. Однако, не смотря на увѣренія поручика Кожина, что и эти мнимые слѣды ничуть не доказываютъ прежняго ея положенія, князь настойчиво утверждалъ, что найдетъ плотину, если будущимъ лѣтомъ пойдетъ въ этомъ направленіи съ драгунами и казаками.

Онъ не сталъ вдаваться въ дальнѣйшія изслѣдованія Каспійскаго побережья, собрался и, поручивъ начальство надъ построенными городами коменданту Красноводской крѣпости, полковнику Фонъ-дербъ-Вейдену, вдвоемъ съ Кожинымъ, отправился, „по причинѣ замерзанія

моря“, сухимъ путемъ черезъ Гурьевъ городокъ, въ Астрахань. куда прибылъ въ Февралѣ 1717 года.

Повидимому, онъ торопился выполнить послѣднее и болѣе важное порученіе царя—посольскую миссію къ хану Хивинскому, владѣнія котораго находились на востокъ отъ Каспійскаго моря, за трудно проходимыми пустынными степями, гдѣ не было ни рѣкъ, ни озеръ, а воду приходилось добывать изъ нарочито устраиваемыхъ проходящими караванами колодцевъ.

Страна эта была расположена по берегамъ р. Аму-Дарьи и представляла собой небольшое и мало-сильное государство, промышленявшее торговлей, разбоями и сбытомъ плѣнниковъ изъ персіянъ и русскихъ, которыхъ иногда накапливалось тамъ до 10 тыс. человекъ. Хивинцы заставляли ихъ обрабатывать рисовыя и хлопковыя поля и проводить арыки для орошенія послѣднихъ. Доставляли этихъ плѣнниковъ туда киргизъ-кайсаки, кочевавшіе между Аму-Дарьей и устьями рѣкъ Эмбы и Яика. туркмены мангыгиланскіе, а иногда и приволжскіе калмыки. Отсюда продавали ихъ въ другія владѣнія Великой Бухаріи.

Населеніе Хивы составляли по городамъ сарты, „отправлявшіе купечество“, народъ тихій и смирный, и узбеки, жившіе своими юртами въ „полѣ“ и занимавшіеся, помимо хлѣбопашества, разбоями и грабежами, всегда помогая хану въ его „насилъственныхъ предпріятіяхъ“. Послѣднихъ насчитывалось въ Хивинской области не болѣе 7 тыс. Поэтому, на случай враждебныхъ дѣйствій въ большихъ размѣрахъ, ханы хивинскіе приглашали наемныя войска изъ киргизъ и туркменцевъ. Лишь только гонцы изъ Хивы появлялись въ ихъ кочевьяхъ съ извѣстіями о грабежныхъ намѣреніяхъ хана, они, какъ алчные волки, въ „великомъ числѣ“ съѣзжались къ нему на добычу.

Не задолго предъ тѣмъ отъ ханства этого отдѣлилось небольшое княжество Аральское, ограничивавшее свои владѣнія устьями р. Аму-Дарьи. Владѣлецъ его происходилъ изъ рода прежнихъ Хивинскихъ хановъ и считалъ свою власть въ княжествѣ наследственной, какъ это было раньше въ Хивѣ. Но необузданные и своевольные жители послѣдней искоренили династію своихъ государей и стали управляться ханами изъ киргизскихъ султановъ, которыхъ такъ же „сберегали и умерщвляли“, легко, какъ легко намѣчали и избирали. если „народъ почиталъ себя отъ хана обиженнымъ“.

Въ 1717 году правилъ ханствомъ Хивинскимъ султанъ Ширгазы, сынъ киргизскаго хана Абулхаира, принявшаго въ 1730 году подданство Россіи. До выступленія своего въ походъ, кн. Бековичъ три раза посылалъ къ нему гонцовъ съ извѣщеніемъ о своемъ прибытіи въ качествѣ посланника отъ русскаго императора¹⁾ но ни одинъ изъ этихъ посланныхъ возвратился въ Астрахань, должно быть потому, что хивинцы нарочито задержали ихъ, чтобы прекратить всякій доступъ русскимъ въ свою страну.

Въ то время начальникъ экспедиціи не придалъ этому обстоятельству большого значенія, думая, по своей недалекости, что всѣ они или погибли безъ дороги въ безводной пустынь, или ограблены степными разбойниками.

Безъ всякихъ предосторожностей, еще до Пасхи отправилъ онъ часть войскъ въ Гурьевъ городокъ, а самъ съ остальнымъ отрядомъ только въ Іюль выступилъ изъ Астрахани. Караванъ его состоялъ изъ эскадрона шведскихъ драгунъ, двухъ ротъ пѣхоты, посаженныхъ на коней, нѣсколькихъ артиллерійскихъ офицеровъ и служителей съ припасами и аммуниціей и разныхъ морскихъ и административныхъ чиновъ. Изъ желавшихъ присоединиться къ нему купцовъ съ товарами—русскихъ, татаръ, бухарцевъ и „другихъ вольныхъ“, князь выбралъ только 200 человекъ. Кромѣ того посольство сопровождали: 500 астраханскихъ русскихъ дворянъ и ногайскихъ мурзъ съ татарами, столько жегребенскихъ казаковъ и 1500 яицкихъ, подъ командой атамана Никиты Бородина²⁾.

Въ Астрахани остался поручикъ Кожинъ, обѣщаясь нагнать экспедицію черезъ нѣсколько дней. Но когда тамошній комендантъ полковникъ Вердеревскій³⁾ хотѣлъ понудить его къ скорѣйшему отъѣзду, онъ категорически отказался слѣдовать за отрядомъ.

¹⁾ Въ первый разъ былъ посланъ грекъ Кириакъ, во второй—астраханскій дворянинъ Иванъ Воронинъ, имя третьяго посланца—осталось неизвѣстнымъ.

²⁾ Г. А. Ткачевъ въ книгѣ „Гребенскіе, Терскіе и Кизлярскіе казаки“ 1911 г. стр. 44, увѣряетъ, что эти Гребенскіе казаки составляли „полкъ“ подъ начальствомъ „атамана (г.) Басманова“. Смѣемъ завѣрить почтеннаго терскаго историка, что у нихъ въ то время „полковой“ организаціи не было. А полки казачьи никогда не управлялись „атаманами“. П. Ю.

³⁾ Въ ту пору (до 1719 г.) Астрахань управлялась воеводами (комендантами), подчинясь Казанскому и Астрахан. губернатору „ближнему боярину“ Пет. Самойл. Салтыкову. Первымъ губернаторомъ Астраханскимъ былъ Арт. Петр. Волюнскій, назначенный въ іюнь 1719 года. П. Ю.

—Бековичъ—измѣнникъ!—кричалъ морякъ.—Онъ для того утверждалъ несуществующіе слѣды Аму-Дарьи, чтобы отдать порученное войско въ руки варварамъ!..

Это восклицаніе привело воеводу въ смущеніе. Пришлось невольно повѣрить его словамъ и усомниться въ успѣхѣ предпріятія, когда, нѣсколько дней спустя, было получено извѣстіе о постигшемъ семью Бековича несчастіи,—точно провидѣніе Божіе предвѣщало печальный конецъ отправленнаго въ Хиву отряда, заранѣе наказывая его предводителя за неправильныя дѣйствія...

Семья эта пріѣхавшая съ княземъ въ Астрахань, послѣ отправленія его въ походъ, поѣхала обратно въ Петербургъ Волгою. Надо же было случиться такъ, что судно, на которомъ она продолжала свой путь, дало течь и столь быстро наполнилось водой, что не представлялось никакой возможности спасти помѣщавшихся въ трюмѣ пассажировъ. Вслѣдствіе этого жена и двѣ дѣвочки погибли въ волнахъ многоводной рѣки и только какимъ-то чудомъ спасся сынъ, находившійся на палубѣ съвшею на мель барки.

Когда, говоритъ академикъ Миллеръ, вѣсть о томъ достигла Бековича, онъ впалъ въ глубокую печаль, которая „не допустила его чинить распоряженія съ надлежащею предосторожностью“, благодаря чему будто бы онъ „не могъ предвидѣть той опасности, какой подвергъ потомъ себя и ввѣренное войско“...

Добравшись до Гурьева на судахъ, дальше отрядъ пошелъ сухимъ путемъ, но не по тому направленію, которое было намѣчено годомъ раньше. Въмѣсто обслѣдованія стараго русла Аму-Дарьи для отысканія предполагаемой на ней плотины, князь удалился на перерѣзъ чрезъ Киргизскія степи къ впадавшимъ въ Аральское море рукавамъ существующей рѣки Аму.

Въ два дня достигли р. Эмбы, переправившись чрезъ нее на плотахъ. На пятый день хода отсюда, былъ полученъ царскій указъ: немедленно отправить надежнаго и знающаго туземные языки человѣка черезъ Персію въ Индію, дабы онъ развѣдалъ о „всѣхъ обстоятельствахъ“ встрѣчающихся ему на пути странъ, а особливо „о песочномъ золотѣ“ и возвратился въ Россію на Китай и Бухарію.

Для миссіи этой Бековичъ выбралъ находившагося въ его свѣтѣ Мурзу Тевкелева¹⁾, который направился моремъ на Дербентъ, намѣреваясь пробраться оттуда сухопутьемъ въ Шемаху и Испагань. Но и это предпріятіе постигло несчастіе: судно, слѣдовавшее съ нимъ, занесло вѣтромъ въ Астрабадъ, гдѣ правитель Сефи-Кули-Ханъ арестовалъ его. Правда, мурза успѣлъ дать знать о своемъ задержаніи Россійскому посланнику въ Испагани Арт. Пет. Волинскому, и тотъ выхлопоталъ у шаха приказъ о его освобожденіи, но случилось это уже тогда, когда отрядъ Бековича потерпѣлъ въ Хивѣ пораженіе. Изъ боязни, должно быть, продолжать дальнѣйшій путь, Тевкелевъ рѣшилъ вернуться въ Астрахань...

III.

Черезъ два мѣсяца самаго тягостнаго похода посольство достигло предѣловъ Хивинскаго ханства. Миновавъ безводныя степи, отрядъ приближался къ г. Ургенчъ, находившемуся южнѣ Аральскаго моря въ 100 верс. отъ самой Хивы. Вдругъ, къ ужасу своему, Бековичъ увидѣлъ, что караванъ его со всѣхъ сторонъ окружаютъ полчища узбековъ, туркменъ, киргизъ и другихъ сосѣдственныхъ народовъ, приблизительно въ количествѣ 24 тыс. человекъ, подъ начальствомъ хана. Непрiятель всѣми мѣрами старался прекратить ему дальнѣйшій путь. Въ продолженіи трехъ дней русское войско принуждено было выдерживать непрерывныя натиски враговъ, медленно, шагъ за шагомъ, подвигаясь все ближе и ближе къ столицѣ ханства. „Сколь жестоки были нападенія, говорятъ очевидцы, столь храбро чинилось сопротивленіе“, наводя непомѣрный страхъ и трепеть на непріятеля, груды тѣлъ котораго устилали кругомъ кровавый слѣдъ русскаго отряда. Слухи о непобѣдимости урусовъ достигли Хивы, откуда жители спѣшили спасать бѣгствомъ себя, семьи свои и свои пожитки, думая, по своему варварскому разумѣнію, что русскіе перерѣжутъ ихъ всѣхъ, какъ только вступятъ въ городъ²⁾.

¹⁾ Тевкелевъ былъ уроженецъ Оренбургской губерніи и происходилъ изъ знатныхъ башкиръ. Впослѣдствіи (въ 1763 г.) онъ дослужился до чина ген.-маіора.

²⁾ Считаю необходимымъ отмѣтить, что у вышеуказаннаго г. Ткачева, ссылающагося на „И. Д. Попко“ (г.), приведенъ (на стр. 44—47) разсказъ объ этомъ походѣ какого-то казака Демушкина, будто бы вышедшаго изъ Хивинскаго древнимъ старцемъ, представляющій собой сплошной вымыселъ, не подтверждаемый ни печатными, ни архивными источниками. Кѣмъ, когда и гдѣ онъ записанъ, не извѣстно. Между тѣмъ у гребенцовъ даже во времена Екатерины II совсѣмъ не было грамотныхъ... П. Ю.

Присмирѣли послѣ того киргизскіе и туркменскіе джигиты¹⁾. не рѣшаясь больше съ гикомъ нападать нестройными толпами на сомкнутое каре русскихъ воиновъ, которые изъ-за искусственныхъ прикрытій—орудій и обоза—поражали ихъ мѣткими пушечными и ружейными выстрѣлами, не подпуская близко къ себѣ. Выпускаемыя неприятелемъ изъ луковъ стрѣлы не достигали расположенія русскаго отряда и не причиняли ему урона. Хивинцамъ казалось издали, будто не убываетъ русское войско совсѣмъ и твердо стоитъ, точно заколдованное отъ вражескихъ поражений. Съ ужасомъ видѣли они, что не сломить имъ упорство прибывшихъ „шайтановъ“²⁾, которые производили невѣдомый имъ дотолѣ громъ и изрыгали огонь и молніи.

Приуныли и сановники хивинскіе, видя кругомъ по ширинѣ безпредѣльной степи сотни погубленныхъ воякъ своихъ. Приумолкъ и храбравшійся ханъ, предчувствуя свою неизбѣжную гибель, если русскіе завладѣютъ Хивой. Что дѣлать тутъ? На что рѣшиться? Какія предпринять мѣры противъ нашествія невѣрныхъ?

Насталъ четвертый день пребыванія ихъ въ Хивинской странѣ. Нигдѣ уже не показывались трусливые наѣзники. Отхлынули туркмены. Замолкъ гуль по степи злобныхъ узбековъ. Безмолвствовала станъ хивинскій. Должно быть, происходило тамъ что либо необычайное!...

Рано по утру въ этотъ день одинъ изъ приближенныхъ Ширгазья, сартъ Досимъ-бай, исполнявшій при немъ обязанности казначея, обратился къ нему:—Безразсудно поступаемъ, ханъ, надѣясь силою оружія побѣдить россіянъ, которыхъ всѣ почитаютъ непобѣдимыми. Сіе можно учинить только хитростью и обманомъ. Надо стараться захватить въ свои руки ихъ предводителя, а прочее сдѣлать будетъ не трудно!...

Ханъ бесѣдовалъ по этому поводу съ „знатнѣйшими своего народа“. И тѣ одобрили предложеніе Досима. Въ качествѣ переговорщиковъ въ русскій лагерь были посланы два Хивинца „со знаками“. Когда ихъ привели къ Бековичу, они сказали ему:

— Пришли мы отъ своего народа съ миромъ...—Предпринятое съ хивинской стороны сопротивленіе произошло по невѣднiю хана,

1) Джигитъ—всадникъ, наѣздникъ.

2) Шайтанъ—дьяволъ.

который не зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло и съ какимъ намѣреніемъ россияне вступили въ его землю. Теперь, получивъ отъ своего пріятели калмыцкаго хана Аюки увѣдомленіе, для чего Бековичъ, Ширгазы приказалъ прекратить всякія непріяТЕЛЬСКІЯ дѣЙСТВІЯ и готовъ принять посла Русскаго Императора съ подобающею почестью. Ханъ просить у князя милостиваго позволенія прислать въ русскій лагерь своихъ старѣйшинъ, чтобы договориться съ нимъ о его пріемѣ.

Сначала, рассказываетъ Т. С. Соймоновъ, Бековичъ не хотѣлъ вѣрить ихъ коварному извиненію, ибо не могъ постичь, почему никто изъ отправленныхъ имъ посланцевъ не достигъ Хивы. Послѣ сдѣланнаго на него хивинцами нападенія, онъ думалъ „не безъ вѣроятности“, что всѣ они были задержаны изъ злого намѣренія, дабы не могли сообщить въ Астрахань о непріязненныхъ приготовленіяхъ хана. Того же мнѣнія держались и всѣ офицеры отряда—русскіе и шведы. Только одинъ князь Саманавъ (персъ, принявшій православіе и находившійся на русской службѣ) былъ противнаго мнѣнія.—Можно ошибиться въ принятомъ подозрѣніи,—сказалъ онъ Бековичу.—Лучше допустить посланныхъ хана—говорилъ онъ на военномъ совѣтѣ,—вступить съ ними въ мирные переговоры и тѣмъ привести въ исполненіе возложенное на посольство порученіе, чѣмъ подвергать свою судьбу неизвѣстному рѣшенію оружія.¹⁾

„Если, говоритъ академикъ Миллеръ, добавить къ этому тягостное душевное состояніе“, въ которомъ находился Бековичъ, послѣ трагической кончины горячо любимой жены и дѣтей, то не трудно понять, какъ легко „могъ склониться онъ, чтобы повѣрить ласканіямъ невѣрныхъ непріятелей“.

Переговоры продолжались четыре дня, въ теченіе которыхъ въ русскій отрядъ прибывали все новые и новые посланцы „для подтвержденія хавской склонности къ миру“. Наконецъ, было рѣшено—ѣхать князю на аудіенцію къ хану въ сопровожденіи вооруженной команды. Для успокоенія тѣхъ и другихъ въ чистотѣ и вѣрности заявленныхъ намѣреній обѣ стороны „учинили взаимную присягу“.

На слѣдующій день, подъ конвоемъ 500 яицкихъ казаковъ²⁾ Бековичъ отправился съ нѣсколькими офицерами въ непріяТЕЛЬСКІЙ

¹⁾ „Ежемѣсяч. сочиненія“, 1763, т. I, стр. 29.

²⁾ Но г. Ткачевъ утверждаетъ, со словъ Демушкина, что Бековича сопровождали къ хану 300 гребенскихъ казаковъ. П. Ю.

лагерь, который отстоялъ отъ русскаго такъ далеко, что нельзя было услышать ничего послѣднему о томъ, что тамъ происходило.

Едва казачій отрядъ вступилъ въ Хивинскій станъ, какъ непріятель со всѣхъ сторонъ окружилъ его. Всѣхъ офицеровъ тотчасъ же заключили подъ стражу. Кто пробовалъ сопротивляться, тѣхъ тутъ же изрубили, сдавшихся добровольно „лишили вольности“.

Чтобы захватить и прочихъ, оставшихся въ русскомъ лагерѣ воиновъ, ханъ, по словамъ Миллера, заставилъ Бековича послать къ „главному командиру“, маіору Франкенбергу приказъ—разбить отрядъ на мелкія команды и вести ихъ въ назначенныя хивинцами квартиры, для того якобы, чтобы „идучи по разнымъ дорогамъ, онѣ тѣмъ способомъ могли запасться всѣмъ потребнымъ“.

Но маіоръ, „довольно уразумѣвъ“ истинную цѣль этого требованія, отказался исполнить приказаніе князя. Вскорѣ онъ получилъ другое, потомъ третіе такое же повелѣніе, но остался „непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи“. Онъ отвѣтилъ посланнымъ.

— Мнѣ не трудно понять, что князь чинить сіи приказанія принудительнымъ образомъ. Я готовъ повиноваться такому повелѣнію, если онъ самъ, прибывши въ лагерь, лично отдастъ мнѣ его; но посланіямъ не вѣрю.

Черезъ нѣсколько времени Бековичъ прислалъ четвертый приказъ, угрожая въ немъ Франкенбергу, „яко послушнику команды“, „жестокимъ наказаніемъ“, ежели онъ тотчасъ же „не раздѣлитъ войско въ показанныя квартиры“.

Къ сожалѣнію, для насъ потомковъ, какъ и для современниковъ, осталось непроницаемой тайной то важное обстоятельство, какая рѣзкая причина понудила князя принять столь рѣшительное распоряженіе. Не знаемъ мы и того, о чемъ и какъ говорилъ съ нимъ ханъ и какимъ образомъ произошло насиліе первымъ воли послѣдняго.

Здѣсь все—отъ начала до конца—является страннымъ и непонятнымъ. Съ точки зрѣнія русскаго человѣка, преданнаго Царю, родинѣ и вѣрѣ своихъ отцовъ трудно допустить даже мысль, чтобы русскій офицеръ могъ утрашиться угрозъ врага и учинить приказаніе на погибель своихъ братьевъ, хотя бы подъ мечемъ непріятели. Не-

вольво поэтому рождается подозрѣніе, что подь давленіемъ заманчивыхъ и ласковыхъ рѣчей хана. Бековичъ дѣйствовалъ сознательно, выдавая русскій отрядъ на растерзаніе врагамъ Россіи. Безъ сомнѣнія Ширгазы переманилъ его на свою сторону обѣщаніями награды, почестей и большихъ отличій. Мало образованному кабардинцу, непроникнутому искренно русскими идеалами, не составляло большого преступленія забыть покровительствующее ему отечество. Что онъ терялъ послѣ этого? Частица привязанности его къ нему—семья—погибла! Ему оставалось одно изъ двухъ: смерть или измѣна!.. Видимо, онъ предпочелъ послѣднее, хотя жестоко въ томъ ошибся!..

Но если Бековичъ съ княземъ Самановымъ попали въ ловушку и не могли сами выбраться оттуда, то оставшіеся въ лагерьѣ офицеры, во главѣ съ маіоромъ Франкенбергомъ, считавшимся, по словамъ Миллера, человѣкомъ мужественнымъ, храбрымъ и опытнымъ, должны были бы понять, кажется, всю ненормальность и преступность издаваемыхъ Бековичемъ приказаній...

Хивинцы были настолько хитры, осторожны и дальновидны и какъ его опутали, что не позволяли ему отправлять въ оставшіеся отрядъ его письма иначе, какъ только съ своими джигитами. Если бы приказанія эти отвозили въ лагерь наши казаки, то они, навѣрно, рассказали бы тамъ о своемъ и князя Бековича подневольномъ положеніи.

Уже одно это должно бы дать понять маіору Франкенбергу, что князь со всей командой попалъ въ бѣду и находится въ большой опасности. Однако маіоръ не принялъ рѣшительно никакихъ попытокъ для освобожденія вѣроломно захваченнаго хивинцами отряда, хотя въ его распоряженіи находилось еще болѣе 2¹/₂ тыс. хорошо вооруженныхъ и крѣпкихъ духомъ воиновъ съ пушками, огнестрѣльными и разрывными припасами, какихъ не было у хивинцевъ.

Если съ такими силами Франкенбергъ не могъ окончательно побѣдить врага и выручить команду Бековича, то по крайней мѣрѣ онъ нанесъ бы ему большой уронъ и могъ бы пробиться сквозь нестройныя вражескія толпы обратно въ Россію, или съ честью сложить кости свои и боевыхъ товарищей на полѣ брани.

Во всякомъ случаѣ, по полученіи имъ послѣдняго угрожающаго приказа, онъ долженъ былъ бы итти со всѣмъ оставшимся отрядомъ

въ боевомъ порядкѣ до хивинскаго лагеря, чтобы узнать истинное положеніе дѣла и провѣрить подлинность изданнаго Бековичемъ приказанія.

Однако, все еще сомнѣваясь, по словамъ Т. С. Соймонова, въ искренности княжескаго повелѣнія, майоръ тѣмъ не менѣе рѣшился на этотъ разъ безпрекословно исполнить категорическое требованіе своего начальника. „Положившись на власть Божію“, онъ сталъ „ожидать, какою она и порученному войску опредѣлитъ судьбину“. Печальнѣе всего то, что не нашлось никого въ русскомъ отрядѣ удержать его отъ такого безумнаго шага!...

Лишь только отрядъ былъ раздробленъ на мелкія части и разведенъ по разнымъ мѣстамъ, какъ враги, насѣвши на нихъ большими скопищами, сумѣли расправиться съ храбрыми русскими воинами. обезоружили ихъ и отвели въ неволю. Всѣ военныя потребности, боевые припасы, сабли, ружья, пушки, аммуниція и товары слѣдовавшихъ въ караванѣ купцовъ достались въ руки коварныхъ побѣдителей. Бековичъ видѣлъ потомъ, какъ по улицамъ Хивы разгуливали въ костюмахъ русскихъ солдатъ и казаковъ узбеки и туркмены, продавая на базарѣ пограбленную добычу. И понялъ онъ тутъ, какое несчастье постигло ввѣренное ему войско и кто былъ виновникомъ его гибели! Но льстивые враги не пощадили и его, такъ скоро передавшагося на сторону непріятели: ему отрубили голову, а находившійся съ нимъ князь Самановъ былъ изрубленъ въ куски *).

Послѣ того долго ликовали хивинцы, радуясь столь легкой побѣдѣ надъ непобѣдимыми русскими. Ханъ Ширгазы, думая, что совершилъ великое геройское дѣло, поспѣшилъ сообщить о томъ своему сосѣду, Эмиру Бухарскому. отправивъ туда особое посольство съ извѣстіемъ, что „посланника Россійскаго императора, очень знатнаго мужа, отъ котораго оба хана могли опасаться потери своихъ владѣній, онъ истребилъ со всѣмъ при немъ находящимся народомъ“,—и послалъ ему, въ знакъ уваженія, голову убитаго Бековича, дабы и Эмиръ могъ раздѣлить съ нимъ эту радость. Ужаснулся владѣлецъ бухарскій столь варварскому злодѣйству, неслыханному даже въ азіатскихъ стра-

*) И. Д. Попко („Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ“ стр. 241), за нимъ г. Ткачевъ—увѣряютъ однако, что съ Бековича „живого“ содрали кожу. Сперва съ головы, потомъ съ рукъ и съ ногъ“. Эту сказку повторяетъ и А. Хребтовъ („Хивинскій походъ“ 1875 г., стр. 19). Едва ли однако могъ онъ быть живъ послѣ такого истязанія? Ц. Ю.

нахъ. Узнавъ о совершившемся событіи за долго до прибытія въ свою столицу хивинскихъ пословъ, онъ выслалъ на встрѣчу имъ гонцевъ, приказавъ ему спросить ихъ.

— Человѣкоядецъ ли вашъ ханъ? Если такъ, то отвезите ему обратно присланный подарокъ. Я не хочу принимать никакого участія въ вашемъ безчеловѣчномъ дѣлѣ!...

IV.

Гибель отряда Бековича причинила большое Петру Великому огорченіе. Неприятно и досадно было ему, что не осуществилась его завѣтная мечта проложить торговый путь въ Индію. Но Императора удивилъ и подбодрилъ благородный поступокъ Эмира Бухарскаго. Снова родилась надежда, при посредствѣ этого владѣльца, завязать прочныя сношенія съ богатой страной Монголовъ. Съ этою цѣлю въ томъ же году онъ отправилъ къ Эмиру черезъ Персію секретаря нашей коллегии иностранныхъ дѣлъ, итальянца Флоріо Беневени, знавшаго языки: персидскій, турецкій и татарскій. Къ сожалѣнію, неизвѣстно, что успѣлъ сдѣлать послѣдній въ интересахъ Россіи. Повидимому, и онъ не добился положительныхъ результатовъ, ибо торговля съ средне-азиатскими ханствами стала развиваться у насъ только со времени царствованія Императрицы Анны Іоанновны, послѣ принятія русскаго подданства киргизскими ордами: Малой, Средней и Каракалпакъ, когда, по проекту секретаря сената Кириллова, былъ заложенъ въ 1735 году на устьѣ р. Ори городъ Оренбургъ, съ туземнымъ мѣновымъ дворомъ при немъ.

Разумѣется, при такихъ обстоятельствахъ, не представлялось уже никакой надобности содержать гарнизоны въ заложенныхъ Бековичемъ крѣпостяхъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Съ гибелью главы экспедиціи и отряда, крѣпости эти не могли принести никакой существенной пользы предпринятому начинанію. Коменданты ихъ помышляли лишь о томъ, какъ бы спасти свои команды отъ могущаго быть на нихъ нашествія со стороны обрадованныхъ побѣдою надъ русскими хивинцевъ.

Получивъ извѣстіе о постигшемъ посольство несчастіи, гарнизоны первыхъ двухъ—Карагайской и Александровской—снялись поспѣшно и на имѣвшихся у нихъ въ постоянной готовности морскихъ судахъ благополучно достигли Астрахани. Но войскамъ Красноводскаго укрѣп-

ленія пришлось выдержать въ продолженіи нѣсколькихъ дней натиски жаждавшихъ русской крови и добычи Мангышлакскихъ туркменцевъ, тѣхъ самыхъ, которые годъ назадъ обѣщали черезъ своихъ представителей, помогать Императору Петру въ задуманныхъ имъ для ихъ же пользы предпріятіяхъ; очевидно, натравленные ханомъ Ширгазы, они мечтали завладѣть гарнизономъ крѣпости такъ же легко, какъ хивинцы отрядомъ Бековича. Но попытка ихъ не удалась. Комендантъ полковникъ Фонъ-дербъ-Вейденъ приказалъ устроить изъ мучныхъ кулей шанцы на перешейкѣ, соединявшемъ Красноводскій полуостровъ съ твердой землей, и когда нестройныя толпы непріятели порывались приступить къ нимъ, выстрѣлы крѣпостныхъ орудій и ружейные залпы гарнизона сметали ихъ съ „великимъ урономъ“. Всѣ вражескія атаки были отбиты безъ ущерба крѣпостного состава.

Боясь однако повторенія новыхъ нападеній, Вейденъ заблаго-разсудилъ убраться по добру-по здорову въ предѣлы Россіи, оставивъ мучныя загражденія въ добычу голодному врагу. Но видно, рокъ злой тяготѣлъ надъ этой экспедиціей! По пути, не доѣзжая нѣсколько верстъ до Астрахани, поднялся сильный противный вѣтеръ. Два судна съ 400 солдатами загнало къ западнымъ берегамъ Каспійскаго моря, гдѣ они, наткнувшись на подводные камни, получили пробоины и пошли ко дну. унося съ собою въ морскую пучину и часть Красноводскаго гарнизона.

Такъ грустно завершилась первая попытка къ покоренію туземныхъ племенъ Средней Азіи, находящихся нынѣ подъ властью Русскаго Императора. Въ ту пору, вслѣдствіе наступившихъ обстоятельствъ,—приготовленій къ персидскому походу,—Петръ Великій не могъ отомстить виновникамъ этихъ бѣдствій за причиненное Россіи зло,—не успѣлъ наказать лукаваго хана за его варварскій поступокъ. Но что не удалось сдѣлать Царю и Государству, то сдѣлали тѣ самые плѣнники, которыми такъ вѣроломно завладѣла Хива.

Ни въ одномъ азіатскомъ владѣніи не жилось такъ тягостно имъ, какъ въ этой разбойнической странѣ, гдѣ съ ними обращались хуже, чѣмъ съ выючными животными. При самой скудной пищѣ хивинцы заставляли ихъ исполнять самыя тяжелыя крѣпостныя, полевыя и домашнія работы, за малѣйшій проступокъ наказывая ударами воловьего бича. Особенно съ злобой и ненавистью относились ханъ и его подданные къ русскимъ плѣнникамъ. Многіе изъ послѣднихъ не выдержали непосильнаго гнета рабства и скончали свои скорбные дни на далекой чужбинѣ безъ покаянія и молитвы, или хоть капли сочувствія близ-

кихъ своихъ, такъ какъ хивинцы не допускали къ умиравшимъ въ емерднхъ сакляхъ „урусамъ“ ихъ собратьевъ по неволѣ съ послѣднимъ словомъ любви. Они не дозволяли даже хоронить умершихъ плѣнниковъ въ общихъ могилахъ, а, какъ негодную тварь, выбрасывали за городскія стѣны на съѣденіе волкамъ и шакаламъ.

Прошло лѣтъ десять тягостнаго ихъ прозябанія. Въ 1728 году нѣкоторые изъ русскихъ и персіянъ уговорились между собою избавиться отъ ненавистнаго плѣна.

Чтобы скорѣе достичь цѣли, заговорщики прежде всего рѣшили умертвить хана, а потомъ произвести разгромъ города. Конечно, одни они, безъ посторонней помощи, не могли совершить такого подвига. Зная, что владѣлецъ Аральскій давно добивался завладѣть Хивой, чтобы возвратитъ свои исконныя наслѣдственныя права, они обратились къ нему съ просьбой оказать имъ въ ихъ дѣлѣ поддержку. Послѣдній охотно согласился, обѣщая выставитъ до 5 тыс. вооруженныхъ всадниковъ. Повидимому, былъ назначенъ и день для совмѣстнаго нападенія на Хиву. Но планъ этотъ разстроили два персіяннина, служившіе у хана евнухами. Улучивъ удобную минуту, они раньше назначеннаго времени убили его во дворцѣ. Заговоръ такимъ образомъ обнаружился. Узнали узбеки и о замыслахъ Аральскаго князя. Не желая имѣть надъ собой наслѣдственнаго повелителя, они окружили русскихъ, не давъ имъ возможности снестись съ послѣднимъ. Однако 80 человекъ изъ нихъ успѣли скрыться въ одну высокую крѣпостную башню, гдѣ стойко въ продолженіи двухъ недѣль отбивались отъ насѣдавшихъ враговъ, тщетно ожидая помощи отъ князя. Всѣ усилія горожанъ выбить ихъ оттуда не имѣли успѣха. Непріятельскія нападенія не причиняли почти никакого вреда осажденнымъ. Тогда какъ послѣдніе вооруженные чѣмъ попало, бросая сверху внизъ камни, кирпичи, палки, стрѣлы, наносили чувствительные удары разъяренной толпѣ хивинцевъ.

Можетъ быть, и еще нѣсколько недѣль продержались бы въ такомъ положеніи плѣнники. Но голодъ и недостатокъ воды довели ихъ до того, пишетъ Т. С. Соймоновъ, до чего „не могла довести сила непріятельскаго оружія“. Они принуждены были сдаться, выговоривъ себѣ „спасеніе жизни“, такъ какъ доказали, что убійство хана было совершенно не ими.

Когда все было кончено, дня черезъ два къ Хивѣ подступилъ съ своимъ войскомъ князь Аральскій. Услышавъ о сдачѣ русскихъ, онъ повернулъ назадъ, не предпринявъ ничего противъ города.

Но владѣльцы рабовъ поняли теперь, что съ русскими нельзя поступать такъ, какъ, по варварски, поступали они съ персами. Россіяне доказали, что при случаѣ, умѣютъ постоять за себя. Благодаря этому, участь ихъ была нѣсколько облегчена. Во избѣжаніе повторенія подобнаго явленія, трусливые хивинцы поспѣшили избавиться отъ буйныхъ полоняниковъ. И продали часть ихъ въ Бухару. Въ числѣ послѣднихъ угодили туда сотникъ Гребенскаго войска Тихонъ Даниловъ, игравшій, повидимому, не послѣднюю роль въ описанномъ возмущеніи. Съ нимъ вмѣстѣ были отправлены астраханскій дворянинъ Егоръ Ходаковъ и астраханскій посадскій Алексѣй Иванъ Монастырскій.

Четыре долгихъ лѣта провелъ гребенецъ въ тамошней неволѣ, когда въ 1732 году астраханскій армянинъ Мелкасъ (Миносъ) Вартановъ, будучи по торговымъ дѣламъ въ Бухарѣ, выкупилъ его за 150 руб. и доставилъ въ Астрахань, откуда губернская канцелярія отпустила его на родину въ войско.

Почти одновременно другой армянинъ, по имени Аритунъ (Арутюнъ), числящійся хивинскимъ купцомъ, купилъ въ Хивѣ за 115 руб. другого гребенца казака Ивана Яковлева. Послѣдняя сдѣлка была совершена въ присутствіи указаннаго купца Вартанова и гребенскаго же казака Ивана Романова Баюшкова, который по словамъ Яковлева, „и нынѣ въ плѣну въ Хивѣ находится“.

Такъ какъ, по причинѣ бѣдности и полоненнаго раззоренія, оба они возвратить покупщикамъ „откупныхъ“ денегъ были не въ состояніи, то просили Военную Коллегію отпустить имъ необходимую сумму изъ казны. По сношеніи о томъ съ сенатомъ, указами 19 Марта и 23 Апрѣля 1734 года предписано было астраханскому губернатору ген.-м. Измайлову, —буде окажется по свидѣтельствваніи, что армяне Малкосъ и Аритунъ подлинно выкупили изъ плѣна Данилова и Яковлева, то выдать имъ деньги изъ „госпитальныхъ“ суммъ.¹⁾

Какъ тотъ, такъ и другой не знали грамоты. Тѣмъ не менѣе въ слѣдующемъ 1735 году Тихонъ Даниловъ былъ „отобранъ въ Гребенскомъ Щедринѣ городкѣ отъ войска въ станицу атаманомъ“.²⁾

П. Юдинъ.

¹⁾ Въ то время Сѣверный Кавкавъ и всѣ находившіяся тамъ казачьи войска подчинялись Астраханскому губернатору. П. Ю.

²⁾ Дѣла Астрах. архива за 1734 г., протоколы губер. канцелярій 1735 г.—Но г. Ткачевъ (стр. 44) увѣряетъ, что вернулись изъ этого плѣна „древними“ старцами казаки Щедринъ, ст. Петръ Стрѣжковъ и Черьниской—Иванъ Демушкинъ. Однако фамиліи эти мнѣ не встрѣчались въ указанномъ архивѣ, хотя я разобралъ его весь до основанія. П. Ю.